

КАК Я ВИЖУ ВКЛАД МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИЮ

В.М. Розин

Институт философии РАН

Аннотация: В статье автор, с одной стороны, вспоминает представителей поколения шестидесятников, с которыми он имел дело, входя в философию, точнее в Московский методологический кружок, с другой – предпринимает анализ известных фигур методологического движения (Александра Зиновьева, Мераба Мамардашвили, Георгия Щедровицкого), а также важного вклада этой группы талантливых мыслителей в развитие российской философии. Он показывает, что, как правило, перечисленные мыслители были крупными личностями и оригинальными мыслителями, причём большую роль в этом сыграло время и его перипетии. Если говорить о вкладе в развитие философии, то автор рассматривает такие моменты, как интерес к мышлению К. Маркса, исторический и семиотический повороты, деятельный подход, социотехнический взгляд на роль философских знаний, наконец, формирование и развитие методологии. Определённое место в статье занимает изложение двух авторских концепций (семиотической и методологической), начало создания которых относится именно к 60-м годам.

Ключевые слова: мышление, личность, время, методология, семиотика, деятельность, вклад, развитие.

В качестве преамбулы скажу, что я понимаю под поколением, точнее как его можно выделять. Во-первых, говоря о поколениях, мы очерчиваем популяцию людей примерно одного возраста, живущих приблизительно в одно время, иногда на одной территории. Во-вторых, чтобы выделить определённое поколение, нужно сравнивать его с другими поколениями, жившими до интересующего нас поколения или после него. В-третьих, что значит «живших приблизительно в одно время»? Может быть, более важно другое: живших в период каких-то важных событий? Не подводим ли мы время жизни поколения под нужный нам концепт (события) – война, перестройка и прочее? И не включает ли этот концепт помимо определённых событий вопросы, ответы на которые мы хотим получить, например: какую роль сыграли шестидесятники в философии и искусстве 60–70-х годов или в диссидентском движении? Если же обсуждать значение поколения для становления профессионального самосознания и мышления (что было характерно для моего вхождения в философию), то стоит проанализировать, у кого учились, кто оказал на нас решающее влияние¹.

¹ Допускаю, что у других участников нашего разговора другие критерии выделения поколения, поэтому было бы неплохо, если бы они тоже, как и я, рассказали о них.

Социокультурный портрет шестидесятника

Я тоже сознаю себя шестидесятником. Моё становление как методолога и исследователя в области философии падает на эти года. В первую половину 60-х я проходил свои университеты в Московском методологическом кружке (аббревиатура ММК) и лично у Георгия Петровича Щедровицкого. Примерно в середине этого десятилетия я начал продумывать творческий путь и ценности своего учителя и понял, что они меня не во всем устраивают. С этого момента начинается моя полемика с Щедровицким, которая продолжается и по сей день, несмотря на то что мой учитель давно ушёл². Но одновременно я всегда понимал и говорил об этом, что без Щедровицкого я бы никогда не состоялся как философ. В 60-е годы обозначился также мой интерес к психологической и культурологической проблематике, шире – к гуманитарным темам и науке. Именно он на фоне диалога с учителем способствовал постепенному переходу в последующие годы от методологии к собственно философии. Так что в настоящее время я себя позиционирую как философа-методолога с исследовательской, гуманитарной и культурологической ориентацией. Вышел я из ММК и расстался с Щедровицким в середине 70-х.

Кроме Щедровицкого, которого я знал достаточно близко, я был знаком с Борисом Грушиным, Мерабом Мамардашвили, Александром Зиновьевым, Вадимом Садовским, Владимиром Костеловским, Никитой Алексеевым, Иосафом Ладенко, Игорем Алексеевым, Владимиром Лефевром, Эриком Юдиным, Владимиром Смирновым, Владимиром Библером, Вячеславом Стёпиным, Василием Давыдовым, Борисом Юдиным. Думаю, все они были представителями 60-х. Какие черты были характерны для большинства этих философов?

Прежде всего, это были яркие и своеобразные личности. Вот один пример – Александр Зиновьев. Он явно был вундеркиндом: за минуту мог запомнить страницу текста, молниеносно перемножал в уме даже шестизначные числа. Хлебнул тяжёлый труд и быт советского времени. Увлекался книгами романтической и утопической направленности: Лермонтов, М. Горький, Кнут Гамсун, Гюго, Сенкевич, Томас Мор, Кампанелла, Эжен Сю, Этьен Кабе и др. Учился в университетской среде, «где, – по словам Зиновьева, – было очень критическое отношение к Сталину: анекдоты, рассказы, насмешки» [Мой путь в науке... 2001: 283]. Война окончательно сформировала личность Зиновьева и, по его собственному свидетельству, «была лучшим временем жизни» [Там же: 288].

В целом Зиновьев формировался как маргинальная личность с анархическими наклонностями. Социальные маргиналы или, как их называет К. Касьянова, аутсайдеры – это люди, «выпавшие из устойчивых социальных структур», вынужденные поэтому опираться на собственную личность, жить, как писал Глеб Успенский, «своим умом». Это, с одной стороны, ставило их (в плане собственного мироощущения) вровень с социумом, делало соизмеримыми с культурой (маргинал себя манифестировал как автономную культуру), с другой – влекло в стан критиков и революционеров. Действительно, кто, как не маргиналы, остро чувствуют социальную несправедливость и кто, как не они, склонны к решительным действиям, направленным на изменение социальной системы.

По части автономии формула Глеба Успенского к Зиновьеву вполне подходит. И равенство культуре Зиновьев осознал очень рано. В 1939 году, когда он сидел на Лубянке и был готов ко всему, Зиновьев сформулировал свою жизненную установку: «...Я есть суверенное государство из одного человека, я буду вырабатывать свою собственную идеологию, свои собственные моральные, эстетические принципы... За все эти годы я ни на шаг не отступил в сторону от этой своей установки» [Там же: 279].

² Она подробно изложена в книге: Розин 2017.

Интервью Зиновьева показывает, что утвердиться в такой, почти эзотерической, жизненной установке ему помогли, с одной стороны, именно маргинальность, с другой – самовоспитание и война. Уже первое испытание (арест и следствие на Лубянке) Зиновьев преодолел нетрадиционно: он не стал играть по правилам системы, которую Зиновьев интуитивно хорошо понимал. Его объяснения для следователя были алогичны и непонятны, его действия (он просто сбежал и больше уже не появлялся в местах, где его знали) не укладывались в стандартное поведение людей того времени. И в дальнейшем Зиновьев всегда действовал как маргинал, не «по правилам»: пошёл в армию без призыва, сбежал из кавалерийского полка, переходил из одной части в другую, подкупал писарей и проч. И это его не раз спасало.

Не меньшее значение в формировании личности Зиновьева сыграли война и самовоспитание. Именно война способствовала таким его качествам, как склонность к риску, стремление жить масштабными событиями, презрение к интеллигентским переживаниям, своеобразный офицерский аристократизм.

Самое трудное во время войны, – рассказывает Зиновьев, – для меня было скрываться. Я все время бегал от органов... Страха не было. Видите ли, я ещё в детстве начал заниматься самовоспитанием и научился преодолевать страх. После этого у меня в жизни не было поступков, которые я совершал под влиянием страха. В начале войны мне пришлось участвовать в таких операциях, когда нужно было буквально штыком закалывать диверсантов. И никакого страха я не испытывал. И при боевых вылетах скорее переживал состояние подъёма. Что же касается «органов», то тут было, скорее, ощущение приключения, игры что ли. В гражданской, невоенной жизни я никогда не боялся высказывать немарксистские суждения, пошёл на публикацию книги, за которую ожидал ареста... За годы войны я окреп физически... И духовно от всего освободился. Авиация – это нечто подобное гусарскому полку в старой русской армии. К тому же война давала колоссальный материал для наблюдения. Во время войны я очень много занимался литературным трудом [Там же: 288]³.

То, что мои знакомые философы-шестидесятники были крупными личностями, я помимо природных, генетических данных объясняю **тремя обстоятельствами**. Первое, на всех них наложила печать Великая Отечественная война, её события не могли не сказаться на масштабе личности. Второе обстоятельство – влияние времени и профессии. Философ в 60-х годах – эпохи освоения космического пространства, испытаний ядерного оружия, холодной войны двух лагерей мира – не мог не выйти на реальность глобального, экзистенциального плана, которая преображала и его личность. Неслучайно, что многие из философов того времени были эзотерическими личностями, правда, на почве философии.

Например, для моего учителя, так же как и для Аристотеля или Паскаля, в качестве подлинной, эзотерической реальности выступало мышление⁴. Для Мераба Мамардашвили

³ Правда, все эти необычные качества личности Зиновьева, которыми можно и восхищаться, уживались с другими, вполне российскими, например пьянством и завистью к коллегам. Послевоенные годы, вспоминает Зиновьев, «были годами жуткого пьянства. Как я потом писал, русское пьянство – это не медицинское явление, а своего рода религия. Пьянство давало общение. Легче было, когда выпьешь, переносить бытовые трудности, жизнь виделась в другом свете, казалась не такой серой. Но пьянство не мешало» [Там же. С. 289]. Много раз Зиновьев бросал пить, но это не получалось. Потом вышло, и он не пил 15 лет. Сорвался после того, как в Сухуми на него обиделись социологи, которых Зиновьев на конференции в течение пяти минут сравнивал с обезьянами из сухумского питомника. Помню, как, придя в номер к Щедровицкому, с которым Зиновьев после многих лет ссоры помирился, Александр Александрович с недоумением сказал: «Юра, почему они на меня обиделись, что я им такого сказал, что они сами о себе не знают?» После этого он напился и улетел в Москву.

⁴ Сравни. Аристотель: «При этом разум, в силу причастности своей к предмету мысли, мыслит самого себя... и умозрение есть то, что приятнее всего и всего лучше. Если поэтому так хорошо, как нам, богу – всегда,

подлинная реальность – возможность дотянуться до трансцендентальной реальности и заново воссоздавать себя.

В привилегированные моменты нашего прикосновения к когитальной материи, из которой состоит универсальная душа, – пишет он, – мы, замечает Пруст, чувствуем, во-первых, что несомненным образом (это говорил ещё Спиноза) бессмертны. Это и есть бессмертие души. Но не моей эмпирической, психологической души. Когда мистики говорили о бессмертии, они, пожалуй, единственные (в отличие от остальных религиозных людей) говорили точно, потому что говорили на эзотерическом языке... мы считаем, что Христа распяли, и его агония случилась. А мистическое ощущение – это ощущение себя присутствующим во всем мире, во всех событиях мира; они случаются тогда, когда я присутствую. И поэтому распятие Христа принадлежит человеческой истории в той мере, в какой оно есть длящееся или неслучившееся событие, внутри которого мы не должны спать. Это событие длится вечно [Мамардашвили 1995: 302, 308–309].

Третье обстоятельство – противостояние советской жизни как мертвящей, усыпляющей, парализующей свободу.

То, чем мы занимались и как занимались, – говорил Мераб в интервью журналу «Вопросы методологии», – было способом выражения и отстаивания самооценности жизни вопреки всяким внешним смыслам. Это было восстанием, во всяком случае я его так осознавал, и так мне кажется по сей день – восстанием против всех внешних смыслов и оправданий жизни. Философией жизни как внутренне неотчуждаемым достоинством личности, самого факта, что ты – живой, поскольку жизнь не есть нечто само собой разумеющееся, продолжающееся, а есть усилие воли [Мамардашвили 1991: 499]⁵.

Не стоит думать, что это противостояние касалось только политической жизни, оно распространялось на всё. Противостояние предполагало поступок, часто затрагивающий жизнь человека. У моего учителя это началось уже с МГУ, где он учился на философском факультете. Один из первых поступков был такой. Одного студента группы исключали

то это изумительно: если же – лучше, то ещё изумительней [Аристотель 1934: 211]; Нет, не нужно следовать увещаниям «человеку разуметь человеческое» и «смертному – смертное»; напротив, насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия и делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в самом себе; право, если по объёму это малая часть, то по силе и ценности она всё далеко превосходит [Аристотель 1983: 283]. Щедровицкий: Со всех сторон я слышу: человек! личность! Вранье всё это: я – сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше Я всё время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент – мне было тогда лет двадцать – я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека суть Всё наше поведение – это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, но никак не творение индивидуального ума. И в этом смысле я говорю: игра – играет, а мышление – мыслит» [Щедровицкий 1997б: 9].

⁵ Сравни: «То, что я живу в тоталитарной системе, – пишет Щедровицкий, – я понял где-то лет в двенадцать. А дальше передо мной стоял вопрос – как жить? Я понял одну вещь – что я должен на всё это наплевать, поскольку тоталитарная, нетоталитарная – знаете, никакой разницы между ними нет, по сути. Когда я это понял, я дальше жил и работал. И обратите внимание, выяснилось, что это несущественно, в каких условиях вы живёте, если вы имеете содержание жизни и работы. Иметь его надо! Нам ведь нужен этот тоталитаризм, чтобы мы могли говорить: «Вот если б я жил там! Я бы ох сколько натворил!» Нет, если у вас что-то есть за душой, то вы можете развернуться и здесь. И вроде бы я есть живое доказательство этого, поскольку работаю-то я в философии – всё время. И оказывается – можно работать! Я ведь утверждаю простую вещь: **тоталитаризм есть творение российского народа**. Народа! И соответствует его духу и способу жизни. Он это принял, поддерживал и всегда осуществлял. Вот ведь в чем состоит ужас ситуации» [Щедровицкий 1997а].

из комсомола и университета за чтение Достоевского. Щедровицкий выступил против, сказав: «Ребята, вы сошли с ума. Достоевский – великий русский писатель. По-моему, в университет нельзя принимать тех, кто не прочёл всего Достоевского» [Щедровицкий 2001: 261]. Дальше – больше, вспоминает Щедровицкий, пока

...уже всерьёз обсуждался вопрос, не поместить ли меня в психиатрическую больницу, и об этом велись переговоры с комсоргом нашей группы Борисом Пышковым. Он был поставлен перед альтернативой: либо заявление на меня в органы, либо докладная о моей невменяемости. И тогда Борис Пышков, как он мне потом объяснял, выбрал из двух зол меньшее: как представитель общественности он написал заявление о необходимости поместить меня в психиатрическую больницу [Там же: 270]⁶.

Вспоминаю и свой поступок. Кандидатскую диссертацию я писал без научного руководителя, обобщив исследования, которые вёл почти 15 лет. Работа называлась «Логический анализ математических знаний», она была посвящена генезису формирования «Начал Евклида» [Розин 1993: 138–214]. Защита прошла вполне успешно, друзья даже говорили, что блестяще. Где-то за полгода перед защитой Г.П. Щедровицкого исключили из партии за то, что он подписал письмо-протест по делу Даниэля и Синявского и, главное, не захотел потом покаяться перед властью. Хотя Щедровицкий не был моим официальным научным руководителем и вообще не видел диссертацию в окончательном виде, в тексте я, естественно, ссылался на работы своего учителя, тем более что само это исследование, когда я только что появился на семинаре Московского методологического кружка, было инициировано Щедровицким и неоднократно обсуждалось. Буквально за два дня до защиты меня вызвал учёный секретарь диссертационного Совета университета и, отведя в сторону, сказал.

– Вадим Маркович, вот Вы здесь в литературе диссертации указываете Щедровицкого, подряд двенадцать работ. Но ведь Вы, конечно, знаете, что его исключили из партии и мало того, только что в «Правде» появилась реплика главного редактора о том, что «марксизм не совместим с щедровитизмом». Мой Вам искренний совет, уберите эту литературу, в ВАКе могут быть большие неприятности.

Как сейчас помню нахлынувшие на меня тогда неприятные ощущения и предчувствия. Подумав, сказал:

– Я один из первых учеников Щедровицкого. Если я сниму эту литературу и ссылки на Щедровицкого, то открою дорогу другим. Возможно, меня ВАК не утвердит, но лучше уж я буду жить с чистой совестью. Нет, я ничего не изменю.

Учёный секретарь как в воду смотрел: когда диссертация попала в ВАК, её тут же стали вполне сознательно валить. Началась борьба, которая, казалось, закончилась победой ВАКа. Через три года после защиты я получил совершенно неграмотное письмо с решением ВАКа, отказывавшим мне в звании кандидата философских наук.

В ответ мои официальные оппоненты (это были три известных доктора философских наук) написали письмо председателю ВАКа профессору Елютину с критикой неграмотной экспертизы. Но, пожалуй, решающее значение сыграло другое письмо, подписанное Эвальдом Ильенковым, Борисом Грушиным, Василием Давыдовым, Мерабом Мамардашвили (не подписал письмо только один человек – Александр Зиновьев). С мнением этих людей ВАК не мог не считаться. После этого письма наступил перелом, и события потекли в обратном направлении. Та же самая экспертная комиссия, которая прислала отказ, буквально через месяц утвердила диссертацию, что вызвало гнев председателя ВАКа. Говорят, он кричал на председателя комиссии: «То Вы без всякого основания отклоняете диссертацию, то без осно-

⁶ Спасла Щедровицкого смерть Сталина.

ваний утверждает её. Пошлите на дополнительный отзыв». Что и было без промедления сделано. Через два месяца был получен положительный отзыв профессора Рузавина, и мою диссертацию окончательно утвердили. Между защитой и утверждением прошло три с половиной года⁷.

Многие философы моего поколения были, так сказать, «зачинателями дискурсивности», с их фигурами связывают в настоящее время становление в России новых парадигм отечественной философии. Например, Мамардашвили – инициатор в нашей стране феноменологического направления, Щедровицкий был создателем и главой самой большой в России, и возможно в мире, методологической школы, Грушин – один из пионеров прикладных социологических исследований и изучения общественного мнения, Библер разработал парадигму «диалогии», А.Я. Гуревич – автор в философии историко-антропологической (историко-культурной) парадигмы, Ю. Лотман – семиотической парадигмы, В.С. Стёпин создал отечественную школу философии науки, и это перечисление можно продолжать.

От философов-шестидесятников идет и практика семинарских форм философской работы, в которой складывалось коллективное мышление и отрабатывались современные дискурсы и логика рефлексии. Когда я только-только входил в методологию, то попал именно на такой семинар и работал в нем больше десяти лет. Работа строилась следующим образом. Ставилась определённая тема, например, помню, почти год обсуждали понятие процесс в физике. Все члены семинара готовились к её обсуждению, но кто-то один (по этой теме ваш покорный слуга) должен был сделать доклад. Каждый шаг докладчика живо обсуждали: постановку проблемы, выбор метода и средств, предлагаемые решения, их обоснования и проч. Коллективно проговаривали и темы семинаров и затруднения, которые возникали в ходе работы. При этом, несмотря на коллективное мышление, каждый семинар имел своё лицо (Библер, Ильенков, Щедровицкий и т. д.), как правило, они же и определяли основное направление исследований. Их авторитета и компетенции вполне хватало для руководства и преодоления разногласий.

Основные направления развития философской мысли

1. Марксистский поворот

Я ещё застал поворот, относящийся к концу 50-х, обусловленный интересом к мышлению Маркса. Сразу стоит подчеркнуть – не интересом к марксизму, а именно к мышлению К. Маркса.

Мы были людьми, – пишет Мамардашвили, – лишёнными информации, источников, лишёнными связей и преемственности культуры, тока мирового, лишёнными возможности пользоваться преимуществами кооперации, когда ты пользуешься тем, что делают другие... И для нас логическая сторона «Капитала» была просто материалом мысли, который нам не нужно было в нищете своей выдумывать, он был дан как образец интеллектуальной работы. Это не марксизм, это текст личной мысли Маркса, текст мыслителя по имени Маркс... я прошёл не через марксизм, а через отпечаток, наложенный на меня личной мыслью Маркса [Мамардашвили 1991: 48–48].

Думаю, то же самое могли повторить Борис Грушин, Эвальд Ильенков, Георгий Щедровицкий и много других философов того времени⁸. Но что, спрашивается, дали для филосо-

⁷ Эта история подробно изложена в моем философском романе [Розин 2002; переизд. 2006, 2018].

⁸ Щедровицкий был зачарован «Капиталом» ещё в старших классах. Меня, вспоминает он, эта книга «захватила первоначально своей логической формой, поскольку, конечно, содержание я не мог по-настоящему ухватить и оценить» [Щедровицкий 2001: 122]. А я пережил восторг перед «Капиталом» на первом курсе института,

фии этот интерес и исследования? Главным образом, образец строгого мышления. Мышление Маркса в «Капитале», образно говоря, стояло на четырёх китах.

Первый – оснащение философского дискурса научными средствами и методами – схемами, процедурами теоретического выведения и сведения и др. Большинство философов того времени без смущения идентифицировали бы себя как сциентистов.

Второй – историзм, но не эмпирический, а в форме логической реконструкции, в основании которой лежала идея развития. Именно этот подход был положен и в основание первой методологической программы ММК – проанализировать мышление в точных науках, понимаемое как развивающееся историческое образование.

Третий – взгляд на мышление как на деятельность (вспомним первый тезис о Фейербахе: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»).

Четвёртый – социотехническая интерпретация (11-й тезис: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»).

В лекциях 1965 года Щедровицкий суммирует эти положения так:

Какие принципы положил Зиновьев в основание своего анализа?

Первый принцип. Должны анализироваться не продукты мыслительной работы, знания, а прежде всего мыслительная деятельность – что для него было тождественно процессам. Считалось, что деятельность и процесс – одно и то же. Этот тезис нельзя понимать таким образом, что Зиновьев отвергал знания. Напротив, фактически, он хотел проанализировать некоторое знание, но он утверждал, что понять строение знания как некоторого продукта нельзя, не анализируя приводящую к нему деятельность [Щедровицкий 2004: 257].

Второй принцип. Зиновьев выдвинул подход, который мы теперь называем технологическим. То есть анализ должен был выдать такие знания, которые не просто дают нам картинку действительности, но могут быть использованы как средства методологии науки при построении других наук. Предполагалось, что анализ системы знания, представленной в «Капитале», даст некоторое предписание биологам, химикам и т. д.

Третий принцип. Утверждалось, что мышление развивается не только по содержанию, охватывая всё новые и новые области действительности, но прежде всего по своей технологии, по приёмам и способам мышления. Только развитие техники мышления позволяет раскрывать в действительности новые стороны. Поэтому теория мышления может быть только исторической. Это означало, что сначала нужно раскрыть ранние ступени мышления, затем показать их усложнение и появление новых образований и так двигаться постепенно, неважно – снизу вверх или сверху вниз, но всегда помня, что происходит усложнение структур мышления [Щедровицкий 2004: 95–96].

Нет нужды разьяснять значение деятельностного истолкования (подхода), оно определило развитие ряда направлений не только современной философии, но и психологии. А вот социотехнический (технологический) подход, с одной стороны, позволил построить ряд новых дисциплин (содержательную логику, теорию деятельности, новый вариант семиотики), с другой – привёл к отказу от психологического понимания мышления как индивидуальной творческой активности. Предельно полемически эту точку зрения высказывает Щедровицкий:

Агатовский когда-то, после 1961–1962 гг. сформулировал это в дискуссии со мной очень точно и прямо: «Георгий Петрович, ахинею вы несёте. Есть люди, которые мыслят, но нет мышления и нет никакой деятельности». Люди – это реальность, и люди иногда мыслят, иногда действуют, иногда любят. Это и есть реальность. Психологизм здесь выражен философски предельно точно: психологизм есть представление о реальностях, а именно, что есть люди, которые могут любить, а могут мыслить, черт подери! Ерунда это, с моей точки зрения, ибо мир есть существование в сущности. И в этом смысле, мышление существует реально – как субстанция, независимо от того, есть люди или нет людей... я бы сказал, что главное мошенничество – это идея человека с его психикой, а второе мошенничество – это идея субъекта, оппозиция «субъект – объект» эта схема есть величайшее мошенничество последних 800 лет европейской культуры (поскольку виновник этого – Абельяр, а это 1147 г. или где-то в этом районе, а всё дальнейшее было во многом мистификацией) должно и нужно работать в схеме бессубъектности: у вас есть мышление, которое живёт по своим законам и разворачивается в особых механизмах. Поэтому здесь важнейший момент – это искоренение себя, субъективности.

Итак, основная проблема, которая встала тогда, в 50-е годы – звучит она очень абстрактно, я бы даже сказал схоластически, не боюсь этого слова, – это проблема: так где же существует человек? Является ли он автономной целостностью или он только частица внутри массы, движущаяся по законам этой массы? Это одна форма этого вопроса. Другая – творчество. Принадлежит ли оно индивиду или оно принадлежит функциональному месту в человеческой организации и структуре? Я на этот вопрос отвечаю очень жёстко: конечно, не индивиду, а функциональному месту! Утверждается простая вещь: есть некоторая культура, совокупность знаний, которые транслируются из поколения в поколение, а потом рождается – ортогонально ко всему этому – человек, и либо его соединят с этим самым духом, сделают дух доступным, либо не соединят...

Я сказал, что мышление было положено как новая реальность в мир, реальность, отдельная от реальности материи и противостоящая ей. И было заявлено, что это особая субстанция, существующая в социокультурном пространстве. Тем самым был преодолен психологизм, или натурализм... трактовка мышления как эманации человека и человеческого сознания есть, по моему глубокому убеждению, величайшее заблуждение европейской истории. И это то, что сегодня делает нас идиотами и мешает нашему развитию [Щедровицкий А был ли ММК: 56–57].

Эти представления Щедровицкого вполне коррелируют с его утверждением, что мыслит не он, а мышление. Нужно сказать, что точка зрения, что мыслит не индивид, а мышление, не такая уж редкая и парадоксальная. По сути, Кант и Хайдеггер понимали мышление концептуально близко к позиции Щедровицкого. Прямые параллели и в сфере искусства. Кто, интересно, пишет стихи – поэт или «Поэзия» посредством автора? В статье Цветаевой «Искусство при свете совести» читаем:

Робость художника перед вещью. Он забывает, что пишет не он. Слово мне Вячеслава Иванова – «Только начните! Уже с третьей страницы вы убедитесь, что никакой свободы нет», – то есть: окажусь во власти вещей, то есть во власти демона, то есть только покорным слугой А доля воли во всем этом? О, огромная. Хотя бы не отчаиваться, когда ждёшь у моря погоды Моя воля и есть слух, не устать слушать, пока не услышишь, и не заносить ничего, чего не услышал [URL: <http://www.pergam-club.ru/book/6492>].

Я с Щедровицким и Цветаевой согласен только наполовину. Ну да, мышление и искусство – деиндивидуальные образования (язык, нормы, средства, деятельность), а не только продукт творчества индивида. Но *и творчества индивида*. Думаю, что стихи пишут оба – поэт и Поэзия, вместе. Поэт выражает себя и сочиняет, но не как бог на душу положит, а сле-

дую «логике поэзии», развивая язык искусства. Поэзия сама писать и сочинять не может, она это делает посредством поэта. Другими словами, симбиоз и синергия. Аналогично, мыслят оба – мыслитель и мышление. Мыслитель как личность, а мышление как различные условия и структуры, обуславливающие поиск и мысль мыслителя. Эти условия и структуры, как я показываю, – не только средства и ресурсы мышления, но и своеобразное органическое образование, которому для решения ряда задач можно приписать историческое развитие, цикл жизни, продуцирование знаний и пр. [Розин 2015]

Так я ответил на вызов Щедровицкого, а другие философы дали иные ответы. Но важно, что сама дилемма (философское и другие формы мышления – субъективны и индивидуальны или объективны и деиндивидуальны, и в этом случае им можно приписать развитие) была сформулирована именно шестидесятниками и по-настоящему не решена до сих пор.

2. Влияние семиотики. Обсуждение природы схем

Если первый поворот можно назвать «марксистским», то второй поворот в философии, обязанный шестидесятникам, я бы назвал «семиотическим». Не лингвистический поворот, как обычно пишут, а именно семиотический. Во всяком случае, в 60-е годы в нашей стране стала быстро развиваться именно семиотика, а не философия языка. Здесь можно назвать две большие школы – Московско-тартускую семиотическую школу (Ю. Лотман, А. Пятигорский, Б. Гаспаров, Б. Успенский и др.) и семиотические исследования ММК (Щедровицкий, Розин, О. Генисаретский, В. Лефевр, С. Попов). Семиотические исследования в 60–70-е годы развивались и сами по себе и оказали большое влияние на развитие философии. Под их влиянием философы стали рассматривать знания не только как отражающие и описывающие объекты, но и как задающие, интерпретирующие реальность, а саму реальность понимать в конструктивном залоге. «Любое понимание, – пишет С. Сбитнев, – представляет собой по существу интерпретацию. Объект интерпретации есть символ, поэтому любой объект человеческой деятельности имеет символическую природу» [Сбитнев 2016]. Здесь можно вспомнить и известную формулу М. Хайдеггера: «язык – это дом бытия».

Хотя ещё в середине прошлого столетия М. Мерло-Понти предположил, что семиотическая концепция Ф. де Соссюра позволяет снять «фундаментальную для философии Нового времени оппозицию “Субъект – объект”» и это приведёт к кардинальному обновлению философской рефлексии, и на самом деле было неясно, каким образом решить эту задачу [Там же]. Мои семиотические исследования позволяют наметить решение, причём подсказка пришла именно от семиотических исследований 60-х. Дело в том, что в семиотических исследованиях Московского методологического кружка наряду с изучением знаков и знаковых систем уже в тот период стали широко использоваться и отчасти осмысляться схемы. Схемы как семиотические образования сочетают в себе два плана: собственно семиотический и эпистемический. На этот момент указал ещё И. Кант, когда он писал, что

...схема треугольника не может существовать нигде, кроме как в мысли, и означает правило синтеза воображения в отношении чистых фигур в пространстве... Схема же чистого рассудочного понятия есть нечто такое, что нельзя привести к какому-либо образу; она представляет собой лишь чистый, выражающий категорию синтез сообразно правилу единства на основе понятий вообще, и есть трансцендентальный продукт воображения [Кант 1964: 223–224].

Говоря, что «личность есть свобода над природной необходимостью», а категории свободы «имеют в основе своей не форму созерцания, а форму чистой воли как данную в разу-

ме» [Кант 1994: 452], Кант, по сути (так это видится сегодня в ретроспекции), указывает на конструктивный подход и роль в нем схем. Вдумаемся в следующее рассуждение из «Критики практического разума»:

Физическая причинность, или условие, при котором она имеет место, подпадает под понятие природа, схему которых создаёт трансцендентальное воображение. Но здесь дело идёт не о схеме случая согласно закону, а о схеме (если это слово здесь подходит) самого закона, так как определение воли (а не поступка по отношению к его результатам) одним только определяющим связывает понятие причинности с совершенно другими условиями, чем те, которые составляют естественную связь [Там же: 456].

Если «схема случая согласно закону» – это схема, позволяющая подвести некоторое изучаемое явление («случай») под понятие (мы бы сказали, построить в науке идеальный объект), то «схема самого закона» – это методологическая схема, на основе которой создаётся идеальный объект.

Задав схемы и работая с ними, Кант, однако, мне кажется, не смог правильно охарактеризовать их природу. Первая характеристика схем по Канту – их опосредующее положение между категориями и чувственными данными [Кант 1964: 123–124]. Это было бы верно, если бы познание, как утверждает Кант, действительно состояло только из двух начал – созерцания и мышления. Но это не совсем так. Познавая, мы не просто созерцаем изучаемое явление (например, падающий предмет, как Галилей, или любовь, как в «Пире» Платона), а пытаемся понять и осмыслить различные знания, полученные об этом явлении (в практике, в опыте, другими исследователями). При этом конструируем идеальные объекты, решаем проблемы, реализуем свои ценности, разъясняем свои взгляды.

Именно в этом направлении искал Щедровицкий. Он противопоставляет схемы объектам, сравнивает их с моделями и изображениями объекта, постоянно осмысляет с точки зрения действий (создание методологом знаковой формы схемы, объективация её, проверка схемы на истинность или эффективность, разворачивание схем и пр.). Это объяснимо, поскольку практика методологической работы со схемами все время требовала соответствующей рефлексии. В ранних работах ММК схемы обсуждаются как средства мышления, в более поздних – как способы онтологизации и построения понятий, а также организации эффективной коммуникации. «Я говорю, – объяснял Щедровицкий в 1979 г., – мы должны породить эту структуру, мы должны её осознать, осмыслить, мы её должны нарисовать, мы её должны перед всеми положить. И теперь она становится тем, что осваивается как форма и содержание. Теперь она стала неким знанием, употребляемым в онтологической картине. И это есть результат нашей работы. Мы должны это нарисовать» [ОДИ-1 2006: 365]. И все-таки понятия схемы у Щедровицкого ещё нет. У Сергея Попова, ученика Щедровицкого, это понятие уже обсуждается.

Схема, – пишет Попов, – в организации общественного образования определяет соотношение рефлексивного уровня, символического и телесного (организмического) – места и возможные переходы. Сама схема при этом, как правило, не выделяется в рефлексии, фиксируются лишь её следы и материальные проявления – институциональные (правила, процедуры и операции, инструкции, методы и способы осуществления деятельности, функциональная структура – и т. п.), либо материальные – вещи и машины.

Кроме того, схема определяет возможные способы действия носителя; условия включения в организацию «материала» и превращение его либо в «тело», либо в символическое ядро организации; возможности восстановления организации в новых условиях и на новом материале.

Исходя из функций схемы в организации, можно зафиксировать, что схема не является ни семиотическим, ни эпистемическим, ни символическим образованием. Она суть совершенно особое образование.

Кант впервые ввёл понятие «схематизма», определив его как «условие чувственности чистых понятий рассудка». Схема представляет собой сложную конструкцию из схематизмов, определяя соотношение условий реализации сознания, чувственности и мыслимости. Иначе говоря, схема определяет условия мыслимости, рефлексивности, возможности понимания, с одной стороны, чувственности и действительности, с другой стороны, включения активности – с третьей...

Тот факт, что схема – это образование, находящееся на границе между сознанием и мышлением, в условиях оформленной и стационарно существующей интеллектуальной парадигмы не позволяет считать схему средством мышления. Кант так и считал, что схематизмы находятся за пределами разума. Но в условиях смены парадигм и «интеллектуальной катастрофы», когда мышление фиксирует онтологические и методологические разрывы, вопрос формирования новых схем становится первоначальной задачей мышления.

Схемы ничего не обозначают кроме самих себя, поэтому для них создаётся особая графика, которая не является чисто семиотическим образованием... Каждая схема представляет собой самостоятельное образование (монаду), которое совсем не обязательно должно быть связано с другими схемами или включено в какие-то другие контексты. Схема сама создаёт контексты... Соотнося условия мыслимости, активности и чувственности, схема принципиально включает в себя разнородные объекты...

Объекты (понятия, люди, вещи), включаемые в схему, подвергаются определённой трансформации. Они начинают существовать как минимум в двух состояниях. В одном из них, действуя (или двигаясь) по схеме, они проявляют те свойства, которые от них требует организация, задаваемая схемой. В другом – они сохраняются как «вещи в себе» с тем, чтобы, выйдя из организации, обрести свою самость. Так пассажир в общественном транспорте обязательно существует одновременно и как человек. Выйдя из схемы организации транспортировки пассажиров, он мгновенно восстанавливает все человеческие свойства. Неразличение или смешение этих двух состояний может привести к трагедии...

В мышлении схема не может браться как объект или знак. Исчезает вся её специфика, и восстановлению после этого она не подлежит. Схема берётся в «проживании» и реализации вместе с её носителем. Описание схем возможно только в музейной функции – «так было». Реальная передача схем происходит при «вхождении» в схему, движении в ней, принятии на себя функции «носителя» и последующего выхода с рефлексивным выделением схемы («надетой на себя»). В новой ситуации схему можно восстановить... [Попов 2002: 54–56].

Я, обсуждая, что собой представляют схемы, стоял, так сказать, на плечах у Платона, Канта, Щедровицкого, Попова⁹. В книге «Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании» я стараюсь показать, что схемы создаются индивидом, позволяют разрешить стоящие перед ним и временем проблемы, задают новую реальность, позволяют по-новому понять и действовать [Розин 2011]. Получается, что схемы являются как бы мостом, соединяющим структурированное (напряжённое) проблемами сознание человека и новое представление реальности, расположенной уже в объективном мире. Можно сказать и по-другому: изображение схем позволяет перейти от проблем личности к новому видению реальности, разрешающему эти проблемы. Вдумываясь в эту реальность, чтобы действовать, объективируя её, в том числе с помощью категорий, индивид затем порождает, если это нужно, и новый объект. В рамках предложенной реконструкции, на мой взгляд, снимается оппозиция «субъект – объект».

⁹ Впервые, как показывает А.Ф. Лосев, именно Платон вводит и широко использует термин «схема». А в «Тимее», говоря о «прообразах» идей, Платон обсуждает, что собой схемы представляют [Розин 2011: 5–6, 15–16].

А дорогу решению этой фундаментальной задачи проложили семиотические исследования философов-шестидесятников.

3. Формирование методологии

Третий поворот можно назвать «методологическим». Его предпосылки уходят как в концепции Ф. Бэкона и Р. Декарта, объявившими науку о мышлении главной наукой, так и в методологические исследования Льва Семеновича Выготского, который считал необходимым строго следовать методу Маркса¹⁰. В 60-е годы сложились два основных направления методологии: одно я назвал «панметодологией», другое – «частной методологией».

Концепция Г. П. Щедровицкого, безусловно, принадлежит первому направлению. Известно, что Щедровицкий никогда не отказывался от экспансии методологии на практически все области человеческой деятельности. В 1983 году он пишет вполне определённо: «...методология – это не просто учение о методе и средствах нашего мышления и деятельности, а форма организации и в этом смысле “рамка” всей мыследеятельности и жизнедеятельности людей...» [Щедровицкий 1995: 118]. В статье «Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейственного подходов» Щедровицкий утверждает, что методологическое мышление является «универсальной формой мышления», рефлексивно «охватывающей все другие формы и типы мышления» [Там же: 152]¹¹.

Представители «частной методологии» не претендуют на кардинальную перестройку существующих форм мышления и дисциплин и всеобщую нормативную роль. Свою роль они понимают как помощь представителям конкретной науки или дисциплины в плане уяснения последними трудных проблем, путей решения этих проблем, понимания особенностей дисциплинарного мышления. Рассматривая себя как специалиста в области философии и наукоучения (науковедения), частный методолог и предлагает свои услуги специалистам определённой науки. При этом подразумевается, что обсуждение трудных проблем и выработка путей их разрешения – совместная работа специалиста и частного методолога.

На материале методологии науки близкую оппозицию обсуждает и А. Огурцов:

Универсалистские притязания на всеобщую значимость методологии, – пишет он, – характерны для всей классической методологии науки. Это характерно и для методологии математики, и для методологии истории... Притязания на универсальность любой методологии, в том числе и истории как методологии, были подвергнуты критике в постпозитивизме. Акцент делается на case studies, на изучении отдельных случаев, на осмыслении

¹⁰ «Следовательно, – пишет Декарт, – тот, кто серьёзно стремится к познанию истины, не должен избирать какую-нибудь одну науку, – ибо все они находятся во взаимной связи и зависимости одна от другой, – а должен заботиться лишь об увеличении естественного света разума и не для разрешения тех или иных школьных трудностей, а для того, чтобы его ум мог указывать воле выбор действий в житейских случайностях» [Декарт 1950: 80–81]. Различие наших мнений, замечает Декарт в «Рассуждении о методе», «происходит не от того, что одни люди разумнее других, но только от того, что мы направляем наши мысли разными путями и рассматриваем не те же самые вещи. Ибо мало иметь хороший ум, главное – хорошо его применять» [Там же: 260]. «Я не хочу, – пишет Выготский, – узнавать на даровщину, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на всем методе Маркса, как строить науку, как подойти к исследованию психики... Марксистская психология есть не школа среди школ, а единственная истинная психология как наука; другой психологии, кроме этой, не может быть» [Выготский 1982: 421, 435].

¹¹ «Для неокантианцев (а Щедровицкого вполне можно к ним отнести. – В. Р.) вообще, – замечает А. Огурцов, – характерен панметодологизм, то есть превращение методологии в универсальное философское учение, определяющее и форму, и содержание, и предмет научного познания и вообще своеобразие тех или иных научных дисциплин» [Огурцов 2001: 556].

специфичности и проблемной ситуации и способов решения тех или иных проблем [Огурцов 2003: 222–223]¹².

Со своей стороны, я предложил концепцию «Методологии с ограниченной ответственностью», которая опирается на гуманитарный и культурологический подходы [Розин 2017: 68–71]. В этой концепции я так охарактеризовал суть методологии.

Цель методологии – во-первых, управление мышлением в ситуациях разрыва или дисциплинарного кризиса, во-вторых, поддержание культуры мышления, в-третьих, выращивание и формирование новых форм и типов мышления. Её осуществление предполагает рефлексию мышления (предметного и методологического), исследование мышления, критику неэффективных форм мышления, распрямление понятий и других интеллектуальных построений, конституирование новых форм, отслеживание результатов методологической деятельности и коррекцию методологических программ.

Что показывает реальная практика методологической работы и методологического изучения мышления.

- Мышление – культурно-исторический и психологический феномен. В этом отношении нельзя говорить о единых законах мышления, а лишь о закономерностях, характерных для той или иной культуры, а внутри её для определённого типа мыслящей личности. Как психологический феномен, мышление зависит от проблем и особенностей мыслящей личности.

- Хотя в мышлении важную роль играют критика, рефлексия, нормирование и конституирование (а в методологии даже сознательное построение определённых структур мыслительной деятельности), то есть искусственные аспекты, тем не менее на развитие мышления и его строение оказывают влияние также другие, хуже контролируемые человеком факторы – например, культурные условия, особенности коммуникации, личность мыслящего индивида, особенности его деятельности и творчества. Под влиянием всех этих факторов, включая и действия методологов, мышление становится, формируется как культурно-исторический социальный организм.

- Социальное действие в отношении мышления можно помыслить следующим образом. Оно содержит три основные составляющие: искусственные воздействия (например, задание картины действительности, требующей изменений, проектирование, реализация проектов), анализ и изучение складывающегося мышления и коррекция воздействий. Осуществляя социальное действие, методолог устанавливает баланс между своими желаниями (целями), имеющимися в его распоряжении возможностями (ресурсами, которые, отчасти, можно и создавать), желаниями заинтересованных участников социального действия (не будем забывать, что мыслят люди) и, наконец, тем, что реально получается (складывается, становится)

¹² Там же он пишет: «Метод в методологии становится рутинным, машинообразным, автоматически используемым и нуждается лишь в развёртывании методики его использования. Но в этой рутинизации метода и заключается опасность: универсализация метода, ведущая к превращению его в методическую машинерию, в своего рода логическую или технологическую инженерию, означает по сути дела завершение всякой рефлексивной методологической работы и исчерпание методологической программы. В то же время альтернативные методологические программы выявляют не только трудности и пределы предшествующей программы, но и новые проблемные ситуации, находят новые методы в качестве ядра исследовательской, а затем и методологической программы... изучение истории методологии науки не может ограничиваться только философским уровнем методологии, необходимо проанализировать различные уровни специальной методологии, в том числе и методологический «здоровый смысл» научного сообщества... Между уровнями методологии и методологическим сознанием учёных – временный лаг, когда реальная исследовательская работа осуществляется в соответствии с другими методами и образцами, а методологическое сознание учёных отдаёт приоритет прежним методам, догматизируя методы, выбранные в качестве приоритетных, рутинизирует их, а нередко и выхолащивает их содержание» [Там же: 228, 240].

в результате усилий методолога. Методолог – не демиург, хотя он строит новое мышление, оно (становящееся мышление) «строит» самого методолога, диктуя ему новые способы мышления.

- На мой взгляд, современная методология не должна брать на себя задачу полностью определять человеческое бытие и жизнь (что следовало из ряда заявлений Щедровицкого). Однако она не отказывается вносить посильный вклад (наряду с философией, наукой, искусством, идеологией, религией, эзотерикой и т. д.) в конституирование жизни, бытия и, конечно, прежде всего мышления. Более того, нужно признать ведущую роль методологии в таких вопросах, как критическое и позитивное осмысление сложившейся практики мышления, понятийная проработка мыслительного материала, проектирование новых структур мыслительной деятельности, обсуждение способов реализации методологических проектов. При этом методолог должен стремиться обеспечить культуру и эффективность мышления.

- Эффективное мышление можно определить как мышление методологически оснащённое, содержательное и современное. В настоящее время каждая серьёзная интеллектуальная задача для своего решения предполагает методологическую работу. Современное мышление эффективно также тогда, когда оно является прямым или опосредованным средством решения современных социальных и общественных задач (экологических, экономических, образовательных, охранительных и т. п.).

- Культуру и эффективность мышления методолог может продемонстрировать прежде всего в своей работе и мышлении. Желательно, чтобы при этом методолог был предельно критичен к самому себе, стараясь понять, действительно ли его способы работы входят в зону ближайшего развития современного мышления или это ему только кажется.

- Для методолога, в отличие от философа, мышление – основная реальность, его цель – создание условий для развития мышления, любых видов мышления: научного, инженерного, художественного, методологического и т. д. Если философия ориентирована на решение современных экзистенциальных проблем и дилемм, на философски понимаемое спасение, то методология – на развитие мышления, понимаемого в значительной мере в технологическом ключе. Ценности и смыслы, стоящие за подобным технологическим подходом, как правило, больше ориентированы на ту же технологию и воспроизводство социума, чем на отдельного человека с его частными жизненными проблемами.

Одновременно я, естественно, признаю заслуги школы, из которой вышел. Эти заслуги я описал как «золотой фонд методологии» [Розин 2017: 101–103]. Прежде всего, был заявлен сам методологический подход, как самостоятельный, не совпадающий с существующими подходами в философии. Было «положено», как говорил Щедровицкий, мышление в качестве реальности, которую в методологии необходимо исследовать и конституировать. И не просто заявлен методологический подход, он практически был реализован, т. е. стало понятно, что методология может существовать и развиваться в качестве самостоятельной дисциплины и интеллектуальной практики.

Не меньшее достижение – разработка технологии методологической работы. Она включает в себя, с одной стороны, характерные формы коллективной мыследеятельности (методологические семинары, позднее оргдеятельностные игры), с другой – характерные формы мышления. Если говорить о первой стороне, то она проявилась уже на первом этапе становления ММК. Как я старался показать на первых «Чтениях», посвящённых памяти Г.П. Щедровицкого, хотя при создании схем и понятий содержательно-генетической логики представители ММК субъективно руководствовались поиском истины и желанием понять природу мышления, однако объективно (как это сегодня видится) решающее значение имели способы организации коллективной работы – жёсткая критика, рефлексия, обсуждения, совместное решение задач, а также возможность реализовать ценностные и методологические установки

основных участников (естественно-научный подход, деятельностный подход, семиотический, исторический и др.). Практиковавшиеся в ОДИ формы коллективной работы были, конечно, значительно сложнее (работа в тематических группах, включающих оргтехников, рефлексия и сборка на общих площадках, методологическая инициация и управление со стороны руководителя игры и др.). Известно, что многие формы семинарской и оргдеятельностной работы ММК, правда в упрощённых вариантах, широко разошлись по стране.

Вторая сторона была не менее богатой. Укажу только на некоторые полученные здесь интеллектуальные достижения и изобретения. Это несколько форм рефлексии (собственного мышления и деятельности, форм деятельности и мышления других дисциплинариев, написанных текстов, рефлексии, способствующей развитию деятельности или разрешению проблем). Это важное искусство постановки проблем и ситуационного анализа, без которых методологическая работа немислима. Процедуры распремечивания и опредмечивания, включающие объективацию и оестествление. Процедуры замышления, проектирования и конструирования новых мыслительных структур. Техники построения схем и схематизации.

Как я показываю в книге «Введение в схемологию: Схемы в философии, культуре, науке, проектировании», в методологии схемы выполняют роль, сходную с математическим языком в естествознании и эскизами в проектировании. Кроме того, они позволяют переходить от проблем методолога к конструированию им новой реальности, открывающей возможность обновлённого понимания, видения и деятельности. В золотой фонд методологии, я уверен, войдут и многие конкретные схемы, изобретённые и опробованные в ММК, например схема знания, многоплоскостного замещения, деятельности и мыследеятельности (акта деятельности, кооперации позиций и видов деятельности, воспроизводства, трансляции и коммуникации, шага развития, двух досок, сферы деятельности и др.).

Сюда же относятся разработанные в ММК методы псевдогенетического анализа (реконструкции), двойного знания, конфигурирования и др. Естественно, нельзя не указать и два варианта системного подхода, которые создавались в рамках теории деятельности и методологии. Думаю, в золотой фонд методологии войдёт и сама история становления и развития ММК, в частности три методологических программы (построение содержательно-генетической логики и теории мышления, разработка теории деятельности и мыследеятельности, замышление и практикование ОДИ), форм организации методологической работы, отношений с официальной наукой, эволюция идей, возникающие проблемы и способы их разрешения.

Говоря о золотом фонде методологии, я отдаю себе отчёт в том, что перечисленные достижения и результаты в полном соответствии с методологическим подходом представляют собой виды технологии мышления и что за ними стоит, определяя, социальность, характерная для нашей страны второй половины двадцатого столетия. Поэтому дальнейшее использование этого сверхценного для методологии инструментария предполагает переосмысление построенных в ММК средств в плане соотнесения их с указанным и современным типами социальности.

Времена не выбирают...

К трём рассмотренным здесь поворотам отечественной философии (марксистскому, семиотическому и методологическому) можно добавить ещё несколько, например кибернетический, культурологический, системный, социологический, герменевтический. Кроме того, конечно, стоит отметить важную роль шестидесятников в сокращении разрыва между западной и отечественной философией (переводы классиков философской мысли, современных

западных философов, контакты и пр.). Но я значительно хуже знаю и становление этих направлений, и их инициаторов-шестидесятников. Ограничусь сказанным.

В заключение ещё один аспект, не профессиональный, но очень важный, тот, который древние связывали с судьбой человека. Философы-шестидесятники встречали перипетии судьбы очень мужественно. Вот две линии поступков, которые я наблюдал. Первая, отношение к социальной жизни в логике постижения смысла её существования. Вторая – к собственной преждевременной смерти, как правило, в связи с заболеванием раком, этой чумы нашего времени не только для интеллектуалов.

Шестидесятые годы – время надежд и ожиданий, подъём творчества, для наших героев – начало нового Эона, который связывался с победой в перспективе разума и социальной справедливости, кардинальным нравственным улучшением человека. Но оттепель была короткой, а дальше застой, социалистическая рутинка, нежелание людей меняться, очень медленная эволюция. Вот здесь необходимо было мужество. С одной стороны, нужно было понять, что надежды и ожидания философов – не больше чем их мечты, для осуществления которых ещё не сложились условия, с другой – все же работать на желаемое будущее, запасаясь терпением, подчиняя этой работе свою жизнь.

Второй удар, когда на излёте перестройки и реформ стало понятно, что получается совсем не то, о чем мечталось; часто даже хуже, чем было, например «чеккистский капитализм» (выражение Константина Ремчукова) или «коммерческое государство» (Владислав Иноземцев). Здесь мужество нужно было вдвойне, потому что и жизнь уже завершалась, и впереди в будущем не видно было никаких изменений. Третье испытание, во всяком случае для философа, который постоянно размышляет над будущим и социальной реальностью – что происходит в мире и стране, куда всё идёт, – так вот, это самое будущее задёрнулось завесой неопределённости.

По моим наблюдениям, большинство философов-шестидесятников не только мужественно справились с этими тремя экзистенциальными разочарованиями, но и продолжали работать на будущее. Которое уже совсем не просматривалось. Здесь, кстати, пришлось пересматривать и смысл самой жизни. Как, спрашивается, жить, не понимая, куда всё идёт, не предполагая, как будущее будет устроено, каков порядок мира? Лично мне импонируют размышления на этот счёт тоже философа-шестидесятника из Франции, Пьера Адо. Он вообще отрицает «порядок мира» (мы бы сказали, «картину мира») и, следовательно, возможность понять, как мир устроен¹³. Стратегия жизненного пути, по Адо, задаётся не конечной целью – куда надо идти, а именно способом жизни – вопросом как. Правда, это «как» достаточно сложное: здесь и философская жизнь (отношение к другим философам, преобразование себя и своего видения людей, разворачивание философской речи, духовные упражнения и пр.), и работа по реализации гуманистических ценностей (помощь другим людям, стремление к благу, преодоление собственного эгоизма, культивирование космического, «океаниче-

¹³ «Например, – размышляет Адо, – Эйнштейн приходил в восторг от законов природы, предполагающих трансцендентальный разум, и от порядка мира, соответствующего порядку мысли. Можно было бы сказать по этому поводу: непонятно то, что мир был бы понятен... Для этой темы, вы это признали сами, вопрос providения и порядок мира имеют мало значения. Эпикур в это не верил, и, кстати, необходимость стоиков в конце концов не очень сильно удалена от некоторых современных концепций» [Адо 2005: 240]. Действительно, приходится признать, что в настоящее время мы как-то живём, не зная не только, что такое порядок мира, но и что собой представляет настоящее и будущее. Кажется, если мы охарактеризуем настоящее и будущее, то будем знать, что делать, как правильно жить. Однако решение этой задачи наталкивается на множественность и неопределённость настоящего и будущего, поскольку их версиям и интерпретациям несть числа, а выяснить, какие же из них правильные, невозможно. С лёгкой руки Фукуямы пишут о конце истории, в пору говорить и «конце будущего». Но это всего лишь метафора, а вот что здесь можно помыслить рационально?

ского» сознания, позволяющего преодолевать своё повседневное «я»), и культивирование мудрости, как её понимает Адо [Адо 2005: 139, 212, 254].

Думаю, нелегко жить, отрицая возможность понять порядок (картину) мира, реализуя только определённый способ и ценности жизни, одновременно осмысляя и конституируя их (впрочем, жить вообще трудно). Но не так ли всегда происходит на переломах истории, при переходе от одной цивилизации к другой для мыслящего человека, стремящегося не просто жить, но и понимать, что происходит? В эти непростые, можно сказать драматичные, для личности периоды и времена (поздняя античность, начало средневековья, пожалуй, весь XX век, настоящее время) человек не только теряет возможность понять порядок мира (поскольку не может его установить), но и не в состоянии определить ориентиры и конечную цель своего жизненного пути. Спасение в том, утверждает Адо, чтобы просто жить «определённым способом», чтобы «выбрать определённый путь» и идти по нему, путь без конечного пункта назначения, но предполагающий философствование, гуманизм, мудрость. Примерно так и направляли себя многие философы-шестидесятники.

И преждевременную смерть (а что может быть страшнее?) они встречали мужественно. Я это наблюдал в нескольких случаях: умирали от рака замечательный логик Владимир Смирнов, мой бывший ученик философ техники Виталий Горохов, философы Борис Юдин и Павел Гуревич. В некотором смысле они не умирали, а продолжали жить на пределе своих возможностей: работали чуть ли не до последней минуты (чего это им стоило, знали только они). Моя сотрудница, Софья Алексеева, с которой я много лет работал, как-то сказала: о личности по-настоящему можно судить, только зная, как она ушла из жизни. Так вот большинство философшестидесятников уходили из жизни мужественно и достойно, как и полагается настоящим философам.

Оазис свободы и творчества

В самом конце 80-х Виталий Горохов пришел ко мне с предложением пойти работать в Институт философии (а ему аналогичное предложение сделал Вячеслав Семенович Стёпин) и создать там сектор «философии техники». Я, подумав, согласился, несмотря на то что заведовал в это время в НИИ культуры РСФСР отделом «социального проектирования», где мы с Даниилом Дондуреем за очень короткий срок (полтора года) издали серию книг на тему социального проектирования. Меня давно тянуло в философию.

Но в философию я вошёл раньше. Начало в плане социализации было немного анекдотичным. Для меня в тот период своеобразным пропуском в главный философский журнал «Вопросы философии», где, конечно, подразумевался идеологический контроль, выступило заседание редколлегии журнала в конце 1979 года. Обсуждалась моя первая в этом журнале статья «Городская культура, человек, окружающая среда». Представил ее, тогда сотрудник журнала, мой ученик Виталий Горохов и заведующий отделом Владислав Лекторский (позднее, как известно, он стал главным редактором «Вопросов философии»).

Владислав Александрович перед обсуждением, на которое пригласили и меня, автора статьи, сказал: «Вадим Маркович, будьте готовы ко всему, сегодня редколлегию ведёт академик Константинов». Вошёл Константинов, взял ксерокопию моей статьи, полистал и затем, задумчиво глядя в окошко в направлении Кремля, изрёк: «Вот тут автор пишет про город. А вот Кремль, гармония, пропорции, красота, написал бы он что-нибудь про Кремль. А так статья ничего, неплохая». Вторым слово взял член-корреспондент Теодор Ильич Ойзерман. Он уже понял направление ветра и решил тоже поддержать статью, но и соблюсти традицию, как же без замечаний.

«Да, – сказал он, – статья молодого автора небезынтeресная. Но что на странице такой-то Розин пишет – человек в городе нецелостен. Это в каком городе нецелостен? В капиталистическом! А в нашем социалистическом городе человек целостен. Обязательно нужно исправить. А так статья ничего, я “за”». После редколлегии меня вызвал Полторацкий – идеологический секретарь журнала. Вся статья пестрела его замечаниями. Разъясняя их, он приговаривал, что и это утверждение могут понять превратно и другое, и третье, и пятое, и десятое.

Получалось, что все надо менять, и кардинально, иначе статья не пройдет по идеологическим соображениям. Надо сказать, что сначала я загрустил, но, подумав, решил сделать следующее. Внимательно прочёл стенограмму выступлений и выписал ключевые слова выступающих. Затем разбросал десятка полтора этих слов по тексту статьи и переставил местами три части. На голубом глазу передал статью Полторацкому. Через неделю последний пригласил меня к себе в кабинет. «Ну вот, – сказал Полторацкий, – сразу видно, что вы хорошо поработали и кардинально исправили статью». Статья вышла в первом номере 1980 года.

Мы с Виталием Гороховым пришли в Институт философии в 1989 году. Там я встретил Светлану Неретину, которая раньше работала в редколлегии журнала «Природа» и провела мою статью «Как решались математические задачи в Древнем Вавилоне» (1980. № 6). Ещё больше я обрадовался, узнав, что её муж Александр Павлович Огурцов тоже работает в институте; он обратил внимание на мои работы, когда я ещё работал в НИИ культуры. Вот с этими двумя замечательными философами я не только больше всего общался на почве философии, но и подружился. Со Светланой меня сближал интерес к культурологии и гуманитарной науке, с Сашей – к методологии. Вскоре мы с Александром Павловичем стали готовить и выпускать в институте сборники, посвящённые методологической тематике.

Естественно, что я много общался и с Виталием Гороховым, собственно говоря, тематику сектора мы определяли вместе. Чувствовал я и поддержку Владислава Александровича и старался ему отвечать тем же, стараясь выполнить все его просьбы. Вообще атмосфера в институте была замечательная. Вячеслав Семенович, на мой взгляд, был идеальным директором. Сдавая ряд свободных помещений, он в отличие от других директоров не клал полученные деньги в свой карман, а создал типографию и доплачивал сотрудникам института. Кроме того, именно он способствовал созданию в институте творческой, демократической атмосферы. Эту атмосферу впоследствии удалось сохранить и поддерживать следующим за ним директорам института, А.А. Гусейнову и А.В. Смирнову.

Вспоминаю один эпизод, свидетельствующий о том, что дух свободы и демократизма, действительно, был характерным для сообщества философов института. Петр Щедровицкий, сын Георгия Петровича Щедровицкого, подал заявление на конкурс зам. директора Института философии. Его поддерживал директор института Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов и Владислав Александрович Лекторский. Я Петра знал довольно хорошо, но коллектив института только понаслышке, причём больше негативно, чем положительно. Несмотря на поддержку Гусейнова и Лекторского, Учёный совет института Петра не поддержал. Позднее, когда Петр Щедровицкий всё же поработал зам. директора Института философии, подтвердилось, что более прав был Учёный совет, чем дирекция института.

* * *

Трудно говорить о всех философам шестидесятых, но те, которых я знал, или лично, или по работам и рассказам, во многом определили развитие нашей философии после сталинской эпохи, способствуя преодолению не только разрыва с мировой философией, но и созданию оригинальной отечественной философской мысли, которой вполне можно гордиться.

- Адо П. 2005. *Философия как способ жить: беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном* / Пер. с фр. В. А. Воробьева. – М.; СПб..
- Аристотель. 1934. *Метафизика*. – М., Л.: Гос. социально-экономическое изд-во.
- Аристотель. 1983. Никомахова этика. – Аристотель. *Сочинения*. Т. 4. – М.: Мысль.
- Выготский Л.С. 1982. Исторический смысл психологического кризиса. – Выготский Л.С. *Собр. соч.: в 6 т.* Т. 1. – М.: Педагогика, 1982.
- Декарт Р. 1950. *Избранные произведения*. – М.: Госполитиздат.
- Кант И. 1964. *Критика чистого разума*. – М.: Политиздат.
- Кант И. 1994. Критика практического разума. – Кант И. *Собр. соч.: в 8 т.* Т. 4. – М.: Чоро.
- Мамардашвили М. 1991. Начало всегда исторично, то есть случайно. – *Вопросы методологии*. – № 1.
- Мамардашвили М. 1995. *Лекции о Прусте*. – М.
- Мой путь в науке... 2001. «Мой путь в науке» (интервью с проф. А.А. Зиновьевым). – *Личность. Культура. Общество*. – Т. III. – Вып. 4 (10).
- Огурцов А.П. 2001. Методология. – *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* Т. 2. – М.
- Огурцов А.П. 2003. История методологии науки: реальные и виртуальные трудности. – *Методология науки: проблемы и история*. – М.: ИФ РАН.
- ОДИ-1... 2006. *ОДИ-1. Организационно-деятельностные игры*. – М.: Наследие ММК, 2006.
- Попов С.В. 2002. Методология организации общественных изменений. – *Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации*. – М.: URSS.
- Розин В.М. 1993. Логико-семиотический анализ знаковых средств геометрии (к построению учебного предмета). – *Педагогика и логика*. – М.: КАСТАЛЬ.
- Розин В.М. 2002. *Проникновение в мышление. История одного исследования Марка Вадимова*. – М.: URSS. (Переизд.: 2006, 2018).
- Розин В.М. 2011. *Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании*. – М.: ЛИБРОКОМ.
- Розин В.М. 2015. *Мышление: сущность и развитие. Концепции мышления. Роль мыслящей личности. Циклы развития мышления*. – М.: ЛЕНАНД.
- Розин В.М. 2017. *Возобновление методологии. Открытые письма, адресованные последователям Московского методологического кружка* / Предисл. В.Л. Даниловой. – М.: ЛЕНАНД.
- Сбитнев С. 2016. Лингвистический поворот в философии XX века. – *Живой журнал Сергея Сбитнева*. – Запись от 07 апреля 2016 г. – Доступно: <https://sbitnevsv.livejournal.com/1315168.html>. – Проверено: 09.08.2022.
- Щедровицкий Г.П. 1995а. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейственного подходов. – Щедровицкий Г.П. *Избранные труды*. – М.: Школа Культурной Политики.
- Щедровицкий Г.П. 1995б. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности. – Щедровицкий Г.П. *Избранные труды*. – М.: Школа Культурной Политики.
- Щедровицкий Г.П. 1997а. *Философия у нас есть!* – Доступно: <http://www.methodolog.ru/00142/00142.html>. – Проверено: 04.08.2022.
- Щедровицкий Г.П. 2001. *Я всегда был идеалистом*. – М.: Москва.

Щедровицкий Г.П. 2004а. Из истории ММК (1952–1961). – Щедровицкий Г.П. *Московский методологический кружок: развитие идей и подходов*. – М.: Путь. (Сер.: Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 8. Вып. 1.)

Щедровицкий Г.П. 2004б. *Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки*. – М.: Путь. (Сер.: Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 7.)

Щедровицкий Л.П. 1997б. А был ли ММК? – *Вопросы методологии*. – № 1–2.